

МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ
«ПЛАТОНОВСКОЕ ФИЛОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО»

РУССКАЯ ХРИСТИАНСКАЯ ГУМАНИТАРНАЯ АКАДЕМИЯ

XXV НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

**«УНИВЕРСУМ ПЛАТОНОВСКОЙ МЫСЛИ»:
«ПЛАТОН И АНТИЧНАЯ НАУКА»**

Санкт-Петербург, 21–22 июня 2017

Издательство РХГА
Санкт-Петербург
2017

*Приложение к журналу
«Вестник Русской христианской
гуманитарной академии»*

Оргкомитет конференции:

Светлов Р. В. (председатель), Робинсон Т. М. (Канада), Протопопова И. А.,
Мочалова И. Н., Курдыбайло Д. С., Шмонин Д. В., Алымова Е. В.

Программный комитет конференции:

Алымова Е. В., Курдыбайло Д. С., Мочалова И. Н., Светлов Р. В.

XXV научная конференция «Универсум Платоновской мысли»: «Платон и античная наука». Санкт-Петербург, 21–22 июня 2017. Сборник статей. — СПб.: Издательство РХГА, 2017. — 252 с.

ISBN 978-5-88812-877-0

Настоящий сборник представляет собой материалы докладов участников XXV международной конференции «Универсум Платоновской мысли: Платон и античная наука», проходившей в Русской христианской гуманитарной академии 21–22 июня 2017 г.

© Коллектив авторов, 2017

© МОО Платоновское философское общество, 2017

© Издательство РХГА, 2017

ISBN 978-5-88812-877-0

ПЛАТОНИЗМ В ПОЗДНЕАНТИЧНОЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ

УДК 94(37).07

Пантелеев Алексей Дмитриевич

к. ист. н., доцент, Институт истории СПбГУ

ФИЛОСОФЫ И СОФИСТЫ В РАННЕХРИСТИАНСКОЙ АГИОГРАФИИ*

В статье анализируются свидетельства об участии философов и софистов в процессах над христианами и упоминания имен философов и использование философской терминологии в раннехристианских агиографических текстах («Мученичество Юстина», «Мученичество Аполлония», «Мученичество Пиония» и «Акты Филеаса»). Юстин Мученик и его товарищи были осуждены на смерть стоиком Рустиком, с христианами спорили и, возможно, доносили на них киники, софист Руфин пытался образумить Пиония. Иногда мученики использовали философские термины для указания на сходство учений христиан и философов. Эти ссылки на философские термины или Сократа, также пострадавшего из-за своих взглядов, не приносили никаких практических результатов, но они заставляли пересмотреть общий взгляд на христианство как на темное невежественное суеверие.

Ключевые слова: Римская империя, раннее христианство, античная философия, мученичество, преследования.

Aleksey Panteleev

CSc in History, associate professor, St Petersburg State University, Institute of History

PHILOSOPHERS AND SOPHISTS IN EARLY CHRISTIAN HAGIOGRAPHY

The aim of the article is analysis of the evidences of participation of philosophers and sophists in the processes against Christians and the mention of the names of philosophers and the use of philosophical terminology in the early Christian hagiographic texts (*The Martyrdom of Justin*, *The Martyrdom of Apollonius*, *The Martyrdom of Pionius* and *The Acts of Phileas*). Justin Martyr and his Companions were condemned to death by the Stoic philosopher Rusticus, the Cynics argued against Christians and, perhaps, inform against them, the sophist Rufinus tried to reason Pionius. Sometimes martyrs used philosophical

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ-ОГОН, проект № 15–31–01260 «Раннехристианская агиография в контексте позднеантичной культуры».

terms to indicate the similarity of the teachings of Christians and philosophers. These references to philosophical terms or to Socrates didn't bring any practical results, but they forced to reconsider the general view of Christianity as a dark ignorant superstition.

Keywords: Roman Empire, Early Christianity, Ancient Philosophy, Martyrdom, Persecutions.

В первые века христианство было глубоко чуждо интеллектуалам Римской империи: в их глазах христиане были достойны в лучшем случае жалости, а их учение не вызывало ничего, кроме брезгливого презрения [12, p. 1055–1118; 20, p. 94–163]. Но наряду с этой «магистральной» линией существовала и другая, рассматривавшая христианство как философскую школу, правда, крайне своеобразную; ее проявления можно обнаружить у Галена [19, p. 10–16] и, в какой-то степени, Лукиана [20, p. 68–93]; позже Плотин скажет о гностиках, что они занимаются такой философией, какая не подобает эллинам (II, 9). Первая модель отношения основывалась на случайных сведениях и зловещих слухах, окружавших новую религию, вторая — на более близком знакомстве с христианами, но у них обоих, несомненно, был еще один общий источник — это публичные казни христиан, мученичества. О них упоминают Эпиктет (Diss. IV, 7, 6), Гален [19, 37–48], Фронтон (Min. Fel. Oct., 8; 12), Лукиан (De mort. Peregr., 13), Цельс (Orig. C. Cels. II, 46), наконец, Марк Аврелий (Med., XI, 3). Высокообразованные римляне могли соприкасаться с этим явлением не только в амфитеатре, но и как участники судебного процесса. Ранее мы уже обращались к анализу мученичества в контексте системы римских зрелищ [6, с. 75–89], а здесь будут рассмотрены, во-первых, свидетельства раннехристианской агиографической традиции об участии философов и софистов в процессах над христианами, а во-вторых, более широко, любые упоминания имен философов и использование философской терминологии в этих текстах. Мы постараемся показать, что восприятие христианства как философской школы могло основываться не только на их внешнем сходстве для внешнего наблюдателя [1, с. 221] или заявлениях апологетов, но и на том, как себя вели и к чему апеллировали некоторые мученики. В центре внимания окажутся четыре сочинения: «Мученичество Юстина» (BHG 972z, 973, 974), «Мученичество Аполлония» (BHG 149), «Мученичество Пиония» (BHG 1546) и «Акты Филеаса» (BHG 1513; BHL 6799).

Юстин Мученик и его ученики были казнены в Риме в 165 или 167 г. [7, с. 111–130; 9, с. 343–372]. Их приговорил к смерти Квинт Юний Рустик, консул 133 и 162 г., исполнявший обязанности городского префекта в 162–168 гг. [13, p. 94–95]. Рустик был философом-стоиком, Марк Аврелий упомянул его в своих «Размышлениях»: именно он познакомил будущего императора с учением Эпиктета, отвлек его от риторической

изысканности и показал важность самосовершенствования (Med., I, 7). Хотя поздняя редакция «Мученичества» называет Рустика «человеком страшным и пагубным, исполненным всякого нечестия» (Mart. Iust. C, 1), анализ текста показывает, что это было не так. В начале допроса Рустик не пользуется словом «христианин» и пытается спасти Юстину жизнь, для чего ему было бы достаточно объявить себя философом; задаваемые префектом вопросы вроде «Какую жизнь ты ведешь?» или «Каких учений ты придерживаешься?» давали все возможности для этого [11, р. 516]. Юстин, тем не менее, не воспользовался предоставленной ему возможностью и прямо объявил себя христианином. Кроме того, Рустик неожиданно вступил с мучеником в дискуссию о загробной участи души (5, 1–3), правда, сам ее и прервал, вернувшись к вынесению приговора. Вполне вероятно, что он проявил здесь некую цеховую солидарность: он мог что-то слышать о Юстине и до начала процесса, так как тот интересовался философией и участвовал в каких-то публичных диспутах (Iust. Apol. II, 3). Мученик при ответах Рустик, демонстрируя свое знание философии, пользуется платоническими (*demiourgos* – 2, 6) и стоическими (*ekpurosis* – 5, 2) терминами, правда, наполняя их христианским смыслом.

С казнью Юстина связан еще один философ, правда, прямо не упомянутый в «Мученичестве» — киник Кресцент. Во II Апологии Юстин прямо говорит, что беспокоится, как бы этот Кресцент не донес на него, так как Юстин победил его в диспуте, показав, что «он вообще ничего не знает» (Iust. Apol. II, 3). Ученик Юстина Татиан сообщает, что Кресцент интриговал и против него (Tat. Orat., 19; ср. Eus. HE, IV, 16) [16]. Ничего невозможного здесь нет, рассказы о философях-доносчиках во II в. встречаются и у других авторов [8, с. 77–91].

Богатый материал дает «Мученичество Аполлония», описывающие события в Риме ок. 185 г. [7, с. 191–208; 9, с. 375–416]. Об Аполлонии сообщают Евсевий, который говорит о его философском образовании (HE, V, 21) и Иероним, называющий Аполлония римским сенатором (De vir. ill., 42); текст «Мученичества» не дает надежных оснований считать его сенатором, но безусловно свидетельствует о «весьма приличных философских познаниях» мученика [9, с. 375–416]. Отдельно стоит отметить его прозвище Саккей (*Sakkeas*), возможно, отсылающее к плащу философа [7, с. 193]. Аполлоний произносит большую речь в защиту христианства, которая послужила одним из источников для «Мученичества». Возможно, эта речь была написана еще до процесса, возможно, во время; мученик называет ее *apologia* (4, 2; 5, 2 et al.) [18, р. 244; 5, с. 673]. Он знаком не только с философией, но и с риторикой: его речь строится по четкому композиционному принципу, причем аргументация идет от неживой природы через растения и животных к человеку, что соответствует стоическому учению о началах (*hexis — physis — aisthēsis — logos*) [9,

с. 387]. Г. Роскам считает возможным соотнести «апологию» Аполлония с платоновской «Апологией Сократа»: оба подсудимых заявляют о том, что скорее подчинятся велению Бога, чем приказам людей (Mart. Apoll. 24; Apol. 29d), уделяют большое внимание этике (Mart. Apoll. 4; 6; 26; 36–37; Apol. 28bc; 29b et al.), отказываются опозорить себя отказом от убеждений (Mart. Apoll. 16; Apol. 34b–35d), предсказывают, что за ними последуют многие люди (Mart. Apoll. 24; Apol. 39cd) и критикуют своих судей (Mart. Apoll. 32; Apol. 38c–39d) [18, р. 244–245]. В речи Аполлония дважды появляется Сократ: упоминается его клятва собакой и платаном (19; ср. Phaedr. 228b), а позже Сократ сопоставляется с Христом — как философ был несправедливо осужден афинскими сикофантами, так и Спасителю вынесли приговор некоторые преступники или нечестивцы (41). Внимание мученика во многом занимают вопросы этики (26–30; 36–38; 42; 44). Затем, Аполлоний пользуется аристотелевской концепцией (*schema — ousia*; он использует термины *synecho — 16, lupas ekkoptein — 37* и др.) и цитирует Гераклита (19) и «Государство» Платона (40). Наконец, мученик вступает в дискуссию с присутствующим на суде неназванным киником, который обвиняет его в заблуждении и уподоблении себя Гераклиту. Аполлоний отвечает ему указанием на лицемерие и слепоту его сердца (33–34).

Еще один пример мученика, хорошо знакомого с риторической и философской традицией, — Пионий, казненный в Смирне в марте 250 г. [7, с. 265–314]. Как и Аполлоний, Пионий, безусловно, был образованным человеком: он обращается к язычникам, цитируя Гомера, вспоминает Девкалиона и природные катаклизмы на Сицилии, в Лидии и на островах Эгейского моря (Mart. Pionii 4, 2; 4, 5; 21; 23), да и вообще не чужд риторической выучки — он произносит две большие речи, обращенные к язычникам и христианам [4; 17]. Сами слушатели отмечают его образованность, восклицая: «Какие познания!» (Mart. Pionii, 10, 7). Язычник-софист Руфин, «отличавшийся познаниями в риторике», присутствовавший при допросе мученика, попытался его образумить. В надписях и на монетах из Смирны это имя упоминается несколько раз. Вполне вероятно, что отцом этого оратора был знаменитый ритор Клавдий Руфин, учитель софиста Гермократа (Philostr. VS, II, 25, 1) [2, с. 836–837]. При ответе ему Пионий обращается к образу Сократа: «Вот это вот и есть твое ораторское искусство? Вот это и есть твои книги? Такого и Сократ от афинян не претерпел, а сейчас все вокруг — Аниты и Мелеты. Неужели Сократ, Аристид и Анаксарх и остальные, по-вашему, тщеславные люди, так как в философии, справедливости и стойкости упражнялись?» (17). Ответ Пиония — восклицания, риторические вопросы, обращение к идеалам оппонента, — показывает его знакомство с риторикой, и он бьет Руфина его собственным оружием. Важен контекст этого обмена репликами: в Смирне ораторским искусством было проникнуто всё, но идеалы Пиония

принадлежат не риторике, а христианской вере; риторика для него — лишь средство отстаивания своих взглядов. Я. Де Боевт и Я. Бреммер считают, что обмен репликами между Руфином и Пионием следует рассматривать в контексте спора между риторикой и философией: философия дает силы противостоять несправедливости, а риторика способна научить только обвинять и преследовать [14, р. 120–122; 5, с. 674–675].

Ссылки на философскую традицию появляются и в «Актах Филеаса» (Египет, 306 г.). Евсевий Кесарийский отзывается о Филеасе как о человеке, прославленном исполнением общественных обязанностей, щедростью и философским образованием (HE, VIII, 9–10). Префект Кульциан пытается уговорить Филеаса совершить жертвоприношение; это их не первая встреча, до того произошло четыре допроса, сопровождаемых побоями и пытками. За это время Филеас смог убедиться, что на римского магистрата его речи не действуют, поэтому отвечал кратко, а то и вовсе односложно, но внезапно между ними произошел интересный диалог: в ответ на слова Филеаса, что Павел обладал большей мудростью, чем все остальные, Кульциан спросил, не считает ли он его даже мудрее Платона. Мученик ответил: «Не только Платона, но он был мудрее и всех остальных» (3, 2) [10, р. 516–517]. Когда Кульциан в очередной раз предложил мученику принести жертву, тот ответил: «Нет, не совершу. Я берегу свою душу. Христиане не единственные, кто бережет душу — такие есть и среди язычников, возьми Сократа, например. Когда его вели на казнь, хоть и стояли рядом его жена и дети, он не повернулся, но с охотой принял смерть» (4, 1–2). Это риторическое преувеличение — родные не присутствовали при последних часах жизни мудреца — было вызвано присутствием в зале суда жены и брата самого Филеаса (6, 8), и, возможно, в какой-то степени его слова обращены к ним [5, с. 675–676].

К этим текстам нужно добавить еще один случай взаимодействия христианской и античной традиций — сочинение Лукиана «О смерти Перегринна» (160–170 гг.). Как мы показали в другом месте, сатирик воспользовался текстом «Мученичества Поликарпа» для того, чтобы показать сходство между казнью христианских мучеников и самоубийством в Олимпии бродячего киника, которого Лукиан считал лжефилософом и лжегреком; его самосожжение смешно и бесполезно, и оно напоминает поведение безбожных галилеян, которые сами ищут смерти. К этому выводу нас подталкивает обилие деталей и параллелей между описаниями смерти Поликарпа и Перегринна [3]. Кроме того, когда Перегрин оказался арестован из-за своих христианских взглядов, он был отпущен на свободу «правителем Сирии, человеком, склонным к занятиям философией» (Luc. De mort. Per., 16); это напоминает попытку Руфина сохранить жизнь Юстину.

Подводя итог этому обзору, можно сделать несколько выводов и замечаний. Прежде всего, случаи обращения к «философским» сюжетам в ранних мученичествах носят вполне достоверный характер. Аполлоний, Пионий и Филеас — образованные люди, знакомые и с языческой, и христианской литературой; обращения к философии и примеру Сократа вполне уместны и полностью обусловлены контекстом и не несут какой-то принципиальной смысловой нагрузки [5, с. 677]. Два таких эпизода произошли в Риме (Юстин Мученик, Аполлоний), один в Смирне, крупнейшем центре эллинской культуры (Пионий). О Юстине, Аполлонии и Филеасе раннехристианские писатели отзываются как о знатоках античной философии; не стоит воспринимать их свидетельства буквально, но определенными знаниями в области философии эти мученики безусловно обладали. Какие цели преследовали указания на мудрецов прошлого и использование платонических или стоических терминов и концепций в их ответах и речах? Прежде всего, они показывали интеллектуальный уровень обвиняемых. Нет нужды видеть здесь сознательное продолжение попыток апологетов изобразить христианство философской школой, намного важнее, что христиане беседуют на равных с представителями римской элиты и используют общую терминологию и систему образов. Мученики были не грязными необразованными маргиналами, а способными постоять за себя людьми, вызывавшими уважение твердостью своей позиции. Никакой практической пользы обвиняемым от их учености не было, но она заставляла пересмотреть общий взгляд на христианство как на темное невежественное суеверие.

Использование образованными мучениками философских терминов указывало на некоторое сходство между учениями христиан и философских школ (творение космоса, его воспламенение в конце истории, пренебрежение вещами сего мира, внимание к этическим вопросам и близость этических принципов). Здесь нет принципиального отличия от апологий, и часть этих пассажей, вполне вероятно, могут быть следствием включения в текст мученичеств ранее написанных апологий (как в случае Аполлония), а часть — поздними интерполяциями.

Частые ссылки на Сократа могли проиллюстрировать верность христиан своим идеалам и подчеркнуть, что все, кто нес истину миру, сначала подвергались несправедливым гонениям, но затем оказывались правы. И Сократ, и христиане — жертвы толпы и доносчиков. В отличие от других «святых мужей античности» — Зенона Элейского, Катона, Сенеки или Гельвидия Приска — Сократ не был замешан ни в каких политических делах и до конца жизни следовал законам родного города, что также было весьма востребовано христианской апологетикой в то время. Подобные аргументы, конечно, не могли иметь никакого веса на суде, но христиане здесь, кажется, в большей степени ориентировались не на реальную

юридическую практику, а на литературные образцы (рассказывают, что к образу Сократа во время суда обращались Апулей (Apul. Apol., 15; 18; 27), Демонакт (Luc. Dem., 10), Аполлоний Тианский (Philostr. VA, VII, 7)) [5, с. 678].

Наконец, эти тексты позволяют лучше понять, как происходила антихристианская полемика в повседневной жизни, услышать «голос улицы». Если на уровне интеллектуалов с христианами спорили неоплатоники Порфирий, Гиерокл или Юлиан, то со стороны популярной философии в полемике участвовали киники, и не всегда аргументы здесь носили академический характер [15, p. 275–276; 16]. И некий киник в «Мученичестве Аполлония», и софист Руфин призывают мучеников не гнаться за пустой славой, и этот призыв неожиданно находит параллель у императора-философа Марка Аврелия, требующего, чтобы самоубийство было тщательно обдуманно, а не совершалось «из голый воинственности, как у христиан» (Med., XI, 3).

ЛИТЕРАТУРА

1. Нок А. Д. Обращение. Старое и новое в религии от Александра Великого до Блаженного Августина. СПб.: Гуманитарная Академия, 2011. – 352 с.
2. Пантелеев А. Д. Агиография, эпиграфика и нумизматика: «Мученичество Пиония» в историческом контексте // Индоевропейское языкознание и классическая филология. Т. 20. – 2016. С. 834–841.
3. Пантелеев А. Д. «Мученичество Поликарпа» и «О смерти Перегрин» Лукиана: еще раз о старом споре // Индоевропейское языкознание и классическая филология. Т. 21. – 2017. С. 642–652.
4. Пантелеев А. Д. Речи в «Мученичестве Пиония»: реальность или фикция? // Индоевропейское языкознание и классическая филология. Т. 18. – 2014. С. 762–770.
5. Пантелеев А. Д. Сократ в раннехристианской агиографии // Индоевропейское языкознание и классическая филология. Т. 17. – 2013. С. 668–679.
6. Пантелеев А. Д. Христианское мученичество в контексте римских зрелищ // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2014. Вып. 2 (44). С. 75–89.
7. Ранние мученичества. Тексты, комментарии, исследования /Под ред. А. Д. Пантелеева. СПб.: Гуманитарная Академия, 2017. – 384 с.
8. Свенцицкая И. С. Доносчик и философ (Римская империя I начала II в.) // Казус: Индивидуальное и уникальное в истории. Вып. 5. М., 2003. С. 77–91.
9. Сочинения древних христианских апологетов /Под ред. А. Г. Дунаева. СПб.: Алетейя, 1999. – 945 с.
10. Atti e passione dei martiri / Ed. A. A. R. Bastiansen et al. Milano: Fondazione Lorenzo Valla, 1972. – 620 p.
11. Barnes T. D. Pre-Decian Acta Martyrum //Journal of Theological Studies. Vol. 19. – 1968. P. 509–531.

12. Benko S. *Pagan Criticism of Christianity During the First Two Centuries A. D.* // *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. Tl. II. Bd. 23. 2.* Berlin; New York, 1979. P. 1055–1118.
13. Birley A. *Marcus Aurelius. A Biography.* New York: Routledge, 1987. – 320 p.
14. Boeft J., Bremmer J. *Notiunculae Martyrologicae III. Some Observations on the Martyria of Polycarp and Pionius* // *Vigiliae Christianae.* Vol. 39. – 1985. P. 110–130.
15. Frend W. H. C. *Martyrdom and Persecution in the Early Church.* New York: Basil Blackwell, 1967. – 625 p.
16. Malherbe A. J. *Justin and Crescens* // *Christian Teaching: Studies in Honor of G. L. LeMoine* / Ed. by E. Ferguson. Abilene: Abilene Christian University, 1981. P. 312–327.
17. Pernot L. *Saint Pionios, martyr et orateur* // *Du héros païen au saint chrétien* / Ed. G. Freyburger, L. Pernot. Paris, 1997. P. 111–123.
18. Roskam G. *The Figure of Socrates in the Early Christian Acta Martyrium* // *Martyrdom and Persecution in Late Ancient Christianity. Festschrift Boudewijn Dehandschutter* / Ed. J. Leemans. Leuven, 2010. P. 241–256.
19. Walzer R. *Galen on Jews and Christians.* London: Oxford University Press, 1949. – 101 p.
20. Wilken R. L. *The Christians as the Romans saw Them.* New Heaven, London: Yale University Press, 1984. – 214 p.